

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 11–17
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):11–17

Научная статья
УДК 32.019.51(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-11-17

ЭВОЛЮЦИЯ МЕДИЙНОГО ОБРАЗА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Роман Владимирович Бугров¹, Илья Захарьевич Герштейн²✉

^{1,2}Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹bugrov@imomi.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0863-465X>

²zaharych77@mail.ru✉, <https://orcid.org/0009-0007-6399-3766>

Аннотация. Статья посвящена эволюции образа советского периода отечественной истории в российской медиакультуре. Изначально, на волне отрицания полезности советского опыта этот образ формировался вокруг негативных фактов советской эпохи: жесткого идеологического контроля, репрессий тотального дефицита. Спустя всего одно десятилетие этот мрачный опыт начинает разбавлять поколенческая ностальгия, хотя в медиасфере отрицательная оценка советского прошлого начинает доминировать. К концу первого десятилетия нового века становится ясно, что претензии страны на достойное место на международной арене во многом основаны на багаже советских достижений. Важную место в этом наследии играет вклад СССР в победу над нацизмом. После того, как одной из ключевых задач современной России становится противостояние неонацизму, происходит обращение к советскому опыту и восприятие этого периода российской истории становится все более позитивным.

Ключевые слова: медиакультура, образ советской эпохи, негативная идентичность, эволюция образа эпохи, «Русская весна», влияние специальная военная операция, трансформация медиасферы

Для цитирования: Бугров Р. В., Герштейн И. З. Эволюция медийного образа советского периода истории в государственных СМИ как инструмент формирования национальной идентичности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 11–17. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-11-17>.

Research article

EVOLUTION OF THE MEDIA IMAGE OF THE SOVIET PERIOD OF HISTORY IN STATE MEDIA AS A TOOL FOR FORMING NATIONAL IDENTITY

Roman V. Bugrov¹, Ilya Z. Gershtein²✉

^{1,2}Lobachevsky State University, Nizhniy Novgorod, Russia

¹bugrov@imomi.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0863-465X>

²zaharych77@mail.ru✉, <https://orcid.org/0009-0007-6399-3766>

Abstract. The article is devoted to the evolution of the image of the Soviet period of Russian history in Russian media culture. Initially, on the wave of denial of the usefulness of the Soviet experience, this image was formed around the negative facts of the Soviet era: strict ideological control, repressions, total deficit. After only one decade, this gloomy experience begins to be diluted by generational nostalgia, although in the

media sphere a negative assessment of the Soviet past begins to dominate. By the end of the first decade of the new century, it becomes clear that the country's claims to a worthy place in the international arena are largely based on the baggage of Soviet achievements. An important place in this legacy is played by the contribution of the USSR to the victory over nazism. After one of the key tasks of modern Russia becomes the confrontation with neo-Nazism, there is an appeal to the Soviet experience and the perception of this period of Russian history becomes increasingly positive.

Keywords: media culture, image of the Soviet era, negative identity, evolution of the image of the era, "Russian Spring", special military operation, transformation of the media sphere

For citation: Bugrov R. V., Gershtein I. Z. Evolution of the media image of the soviet period of history in state media as a tool for forming national identity. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):11–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-11-17>.

Современная социальная реальность, находящаяся за пределами непосредственного восприятия человека, является социальным конструктом, смоделированным специализированными институтами. В их ряду важнейшую роль играет система медиакommunikации — распространение с помощью технических средств специально подготовленного информационного контента, имеющего определенное смысловое наполнение. Специалисты характеризуют его как «сложное и неоднородное явление, характеризующееся: 1) передачей, получением, сохранением и актуализацией смысловой и оценочной информации, на основе которой происходит социальная адаптация и идентификация; 2) влиянием на социальную установку, на взаимоотношения между группами различных уровней. При этом сам уровень испытывает влияние этих взаимоотношений и во многом определяется особенностями той социальной системы, в рамках которой и происходит массовое общение; 3) наличием технических средств, при помощи которых осуществляется регулярное функционирование и тиражирование продукции массовой коммуникации: печать, радио, телевидение, Интернет» [1, с. 27].

Инициатива в определении смысловой нагрузки, выстраивающей «картину» социальной реальности в сознании большинства, принадлежит собственникам технических средств, при помощи которых происходит распространение информации. Особенностью российского медиапространства являются высокая доля участия государства в управлении СМИ, активное участие государственных корпораций в формировании массового информационного контента. Это позволяет государству активно

участвовать в формировании «картины мира» для своих граждан.

Подобная ситуация имеет как свои безусловные плюсы, так и несомненные минусы. Главным минусом, который не раз подчеркивался как в исследовательской литературе [2–4], так и в художественных антиутопиях [5], являются безальтернативность создаваемой государством картины и меры государственного принуждения за попытки усомниться в декларируемом положении вещей. Напротив, положительным следствием большой доли государственного участия в информационном пространстве становится повышенная способность мобилизации граждан на решение важнейших задач. Эта особенность наиболее важна в чрезвычайных обстоятельствах, часто возникающих в России.

Тем не менее недостатки тотального информационного контроля власти над обществом вышли на первый план в период накануне и в процессе распада СССР и в условиях необходимости формирования новой государственной идентичности Российской Федерации стали одной из главных мишеней для критики в период «негативной идентичности». Под этим термином мы понимаем «самоутверждение от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, выступающего в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо в членах группы или сообщества, короче, антипода» [6, с. 37].

«Негативная идентичность» — неотъемлемый первый этап формирования любой новой национально-государственной идентичности,

при условии, что она формируется не «с нуля» (то есть с догосударственных, племенных форм политической организации общества), что в современном мире случается достаточно редко. В результате визуальный образ советского периода в российских СМИ в 90-е годы XX в. — пустые полки советских магазинов и длинные очереди к ним, исторические передачи про репрессии, насмешки над качеством продукции советской промышленности и т. д. Создавался исключительно негативный образ «советскости», вызывающий лишь жалость и отвращение. Ярким примером может служить программа «Намедни» Л. Парфенова, которая в 1997–2003 году выходила как «документальный проект».

Этот период занял практически все последнее десятилетие прошлого века. Ярким примером негативного освещения «советскости» в 1990-е может послужить анализ образа советского периода на страницах одного из самых популярных изданий того времени — газеты «Аргументы и факты». Исследовавшие формирование образа «советскости» на страницах этой газеты специалисты Саратовского университета отмечают, что «советская экономика на страницах „Аргументов и фактов“ в 1990-е годы представлялась как неэффективная, несбалансированная, что, в свою очередь, трактовалось как причина экономических проблем в период постсоветского транзита» [7, с. 31]. Кроме этого, «в 1990-е и начале 2000-х годов журналисты часто критиковали советские социально-политические реалии», в это же время на страницах «Аргументов и фактов» «был создан негативный продуктовый образ СССР. Журналисты подчеркивали серость, невкусность и низкое качество продуктов, их дефицит определялся как характерная черта советской эпохи» [7, с. 31–32]. Более того, в последнее десятилетие XX в. «советская эпоха на страницах „Аргументов и фактов“ представлялась... как период накопления тяжелого долгового наследства, доставшегося Российской Федерации» [7, с. 31].

В кинематографе 1990-х Советский Союз предстает образцом антиутопии, где тоталитарная система полностью подавляет человеческое начало в людях. Примерами такого кино являются: «Хрусталева, машину» А. Герма-

на (1998), «Утомленные солнцем» Н. Михалкова (1994) и «Вор» П. Чухрая (1997).

Интернет в России 1990-х, в силу своего зачаточного состояния и низкой распространенности не был заметной частью медиапространства. Частично роль «компьютерного создателя образов» брали на себя видеоигры. Зарождающаяся индустрия компьютерного гейминга была мощным ретранслятором образов и символов, но большинство игр имели иностранное происхождение. Поэтому, если образ советской эпохи и появлялся в этих играх, то это был образ врага, которого нужно было уничтожить. Из отечественных игр можно выделить только «Подземелья Кремля» (1995), которая не имела видимого политического контекста, но сам факт, что один из символов страны показан местом обитания сонма монстров, не мог формировать положительного отношения к советской эпохе.

К началу нынешнего столетия стало ясно, что построить новую российскую идентичность только лишь на отрицании всего советского практически невозможно. Возникает феномен «исторического разрыва» — когда какие-либо события, например, революции 1917 года и распад СССР, делят отечественную историю на «до» и «после» не только в плане исторических эпох, но и в миропонимании самой России. Без преодоления этого разрыва, его объяснения с позиций единства русской истории, создать прочный фундамент для построения новой национальной идентичности невозможно.

Первые полтора десятилетия нового века стали апогеем «хаоса» в российской медийной культуре. Он объясняется отсутствием четкого вектора в формировании образа советской эпохи в этот период. С одной стороны, происходит постепенный разворот вектора исторической политики. Под «исторической политикой» понимается активная деятельность государства в области образования, науки и культуры с использованием всех доступных финансовых и административных ресурсов для организации исторических исследований с заранее заданным результатом и закреплении соответствующих интерпретаций исторических процессов в массовом сознании населения страны [8, с. 10]. Если в 1990-е все усилия прилага-

лись для компрометации советского периода истории, то в «нулевые» начинается активный поиск причин для его оправдания.

Начиная с 2001 года, все значимые факты и даты советского периода, вызывающие гордость и патриотизм, стали «привязываться» к Великой Отечественной войне и победе. Так, 7 ноября 2001 г. в центральных СМИ отмечалось 60-летие ноябрьского парада на Красной площади 1941 года, который преподносился как символ несгибаемой воли и мужества народа в сложнейший период сражения под Москвой. Логическим продолжением этой традиции стало высказывание В. В. Путина в Послании к Федеральному собранию в 2005 году, где он провозгласил, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века» [9]. Для авторов статьи «точкой поворота» стала неоднократная демонстрация лозунга «Back in to USSR» во время телевизионной трансляции популярной игры КВН 4 ноября 2001 г. в формате сборная XX века против сборной XXI века.

Ключевой технологией, «разворачивающей» историческую политику средств массовой информации «лицом» к советскому периоду отечественной истории, становится игра на ностальгических чувствах старшего и среднего поколения российских граждан, которые еще помнят Советский Союз.

Одновременно с этим медиакультура нулевых продуцирует большое количество телешоу, которые воспевали индивидуализм, успешность и потребительство — те качества, которые были несовместимы с «советскостью». Эти шоу были абсолютно аполитичны, но противопоставление с советским периодом подчеркивалось в отдельных репликах участников и создавало соответствующий фон.

Киноиндустрия этого периода выдавала такие «шедевры» авторского кино, как «Груз 200» А. Балабанова (2007), имевший ярко антисоветскую окраску. Популярнейший российский сериал этого десятилетия «Бригада» (2002) делает недостатки позднесоветского общества задним фоном завязки сюжета.

Важным фактором медиакультуры первых двадцати — двадцати пяти лет постсоветской России было то, что государственное финансирование считалось «пятном» на репутации создателей проекта, так как считалось, что лишь независимый, частный финансовый ресурс способен гарантировать качество медиаконтента. Большое влияние на формирование российской медийной культуры оказывали зарубежные инвестиции в этот сектор, преимущественно из США и стран Западной Европы. Понятно, что для инвесторов советская эпоха не могла иметь положительного облика и это сказывалось на медиапродуктах.

Одним из самых известных зарубежных инвесторов в современные российские медиа в девяностых — нулевых годах был Дж. Сорос. Его фонд «Открытое общество»* сначала напрямую, а потом через сеть дочерних НКО оказывал значительное влияние на российское медиaprостранство [10]. Любые проекты, например, сериал «Ликвидация», где антисоветчик — отрицательный персонаж, подвергались жесткой критике [11]. Результатом этих усилий стало то, что молодое поколение, чье взросление и становление пришлось на девяностые — нулевые — десятые годы, в большинстве своем относится к советскому периоду негативно или критически, что порождает интернет-мем «Чем моложе ваш собеседник в интернете, тем больше он пострадал от Советской власти».

Игровая индустрия этого времени носит более патриотический характер. Одной из самых удачных и популярных игр российской разработки в этот период стала стратегия «Европейские войны: Казаки XVI–XVIII веков» [12, с. 139–140].

Важнейшим рубежом, который стал эквивалентом для отечественной медиакультуры, явилась «Русская весна» 2014 года. Она вызвала тотальный раскол в российском медиaprостранстве. Либерально настроенные представители медиасообщества решительно осудили вмешательство России в конфликт, принятие Крыма и Севастополя в состав Россий-

* Внесен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации». Решение Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.11.2015 № 1778-р.

ской Федерации по итогам проведенных на этих территориях референдумах, благожелательную позицию российской власти и общества в целом по отношению к населению Донбасса, не признавшему государственный переворот февраля 2014 года в Киеве. Восприятие советского прошлого у этих людей, как правило, сугубо негативное. Однако большая часть отечественной культурной элиты предпочла либо напрямую поддержать жителей Юго-Востока Украины, либо занять нейтральную позицию, то есть не делать никаких политических заявлений.

Главным результатом влияния «русской весны» на российскую медиакультуру стали два тренда: 1) государство активнее стало участвовать в формировании культурной повестки в обществе; 2) началось постепенное вытеснение из сферы медиаменеджмента иностранных «наставников» и прекращение наиболее одиозных инвестиций в эту отрасль из-за рубежа.

В качестве примеров можно привести создание сетевого издания «Русская весна», которое было основано участниками соответствующих событий и занимает ярко патристическую точку зрения. В оформлении дизайна этого издания используются элементы, прямо отсылающие к великим достижениям советского прошлого, в первую очередь, к победе в Великой Отечественной войне [13].

Кинематография этого периода, обращенная к истории советского прошлого, также противоречива. Экранизация романа О. Куваева «Территория» А. Мельника (2015) построена в классических «героических» тонах борьбы человека с силами природы и их преодоление во имя высоких идеалов. Заключительная сцена фильма, где до героев доходит информация о полете Ю. А. Гагарина, вызывает гордость и ностальгию. Напротив, «Дорогие товарищи» А. Кончаловского (2020) — продолжение создания картины «тоталитарного государства» на примере новочеркасских событий 1962 года.

Постепенно отношение представителей сферы медиа к советскому прошлому становится отражением их отношения к текущим процессам. Причиной этого видится переход советского периода истории из сферы лич-

ной памяти (современники и участники), «индивидуальная память» по типологии А. Ассман, в разряд контактной или «социальной» памяти (рассказы современников, пропущенные через призму личного восприятия) [14, с. 31]. Поэтому сторонники «русской весны» и «русского мира» относятся к советскому периоду отечественной истории более позитивно, чем их противники.

Начало Специальной Военной Операции (СВО) закрепило процесс раскола русскоязычного медиапространства на «патристический» и «либеральный» лагеря. В условиях, когда одной из главных целей СВО официально называется борьба с неонацизмом, победоносный опыт советского прошлого оказывается весьма востребованным. Поэтому основной ценностью советского времени провозглашается то, что так или иначе соотносится с победой в Великой Отечественной войне. Вторым мотивом положительного восприятия этого периода прошлого является ностальгия, проявившаяся в культуре серией ремейков анимационных и кинопроектов последних лет. Современные тренды, помещенные в антураж советского времени, сопровождаются музыкальным обрамлением советского времени в современной аранжировке.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Эволюция медийного образа СССР и «советскости» тесно связана с проблематикой исторической политики и феноменом негативной идентичности. При необходимости «вычищения» общественного сознания от остатков советской идентичности медиаобраз Советского Союза фокусировался на негативных фактах и характеристиках советского периода нашей истории, а когда эта необходимость отпала, на первый план вышла поколенческая ностальгия.

2. Серьезное влияние на восприятие советского прошлого оказывает современная политическая конъюнктура. Сторонники борьбы с неонацизмом обращаются к опыту Великой Победы, тогда как противники «путинской диктатуры» включают вечную песню о возвращении сталинизма и ГУЛАГа и апеллируют к худшим образцам советской и современной российской пропаганды.

3. Дальнейшая эволюция медийного образа «советскости» будет происходить по классической схеме смены видов памяти «индивидуальная — социальная — коллективная» и зафиксируется в последней в достаточно сбалансированном виде с учетом достижений и недостатков эпохи.

Список источников

1. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2(16). С. 26–31.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. Москва : ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Макарова О. С. Формальные признаки тоталитаризма — их позитивное и негативное определение // Социально-политические науки. 2020. № 2. С. 23–28. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-2-23-28.
4. Нурисламова Ю. А. Тоталитаризм. Его сущность, признаки, элементы // Novainfo. 2024. № 143. С. 205–206.
5. Оруэлл Дж. 1984. Москва : ДЭМ, 1989. 320 с.
6. Гудков Л. Д.* К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 5(49). С. 35–44. EDN: HTMMFT.
7. Суслов И. В., Тихонова С. В., Балаш В. А. Конструирование образа СССР в традиционных печатных медиа (на примере «Аргументов и фактов»): опыт статистического и качественного анализа социальных стратегий // Медиалингвистика. 2024. № 2. С. 224–236. DOI: 10.21638/spbu22.2024.205.
8. Миллер А. И. Россия: Власть и история. // Pro et Contra. 2009. № 3-4. С. 6–23. EDN: YUTDGZ.
9. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25.04.2005 // Президент России : официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 28.01.2026).
10. Федотова Е. Что фонд Сороса сделал для России // Коммерсант. 30.11.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2866188>. Дата публикации: 30.11.2015.
11. Кокотюха А. (2007) Жеглов починає, а Гоцман програє. Телекритика // Web archive. URL: <https://web.archive.org/web/20141211093927/http://www.telekritika.ua/media-continent/2007-11-12/34853> (дата обращения: 28.01.2026).
12. Федоров А. В. Краткая история компьютерных игр в России // Медиаобразование. 2013. № 4. С. 137–148.
13. Русская Весна. Сетевое СМИ. URL: <https://rusvesna.su/> (дата обращения 28.01.2026).
14. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

References

1. Peskova E. N. Media communication and media discourse: approaches to defining concepts, structure and functions. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: problematic field of media education*. 2015;(2(16)):26–31. (In Russ.).
2. Arendt H. The origins of totalitarianism. Moscow: CentrCom; 1996. 672 p. (In Russ.).
3. Makarova O. S. Formal features of totalitarianism — their positive and negative definition. *Social`no-politicheskie nauki = Socio-political sciences*. 2020;(2):23–28. (In Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-2-23-28.
4. Nurislamova Yu. A. Totalitarianism. Its essence, features, elements. *Novainfo*. 2024;(143):205–206. (In Russ.).
5. Orwell J. 1984. Moscow: DEM; 1989. 320 p. (In Russ.).
6. Gudkov L. D.* On the Problem of Negative Identification. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny` = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2000;(5(49)):35–44. (In Russ.). EDN: HTMMFT.
7. Suslov I. V., Tikhonova S. V., Balash V. A. Constructing the Image of the USSR in Traditional Print Media (using Arguments and Facts as an Example): A Statistical and Qualitative Analysis of Social Strategies. *Medialingvistika = Media Linguistics*. 2024;(2):224–236. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu22.2024.205.
8. Miller A. I. Russia: Power and history. *Pro et Contra*. 2009;(3-4):6–23. (In Russ.). EDN: YUTDGZ.

* Внесен в «Реестр иностранных агентов». Решение Минюста России о включении в реестр от 14.02.2025.

* Added to the "Register of Foreign Agents." Decision of the Russian Ministry of Justice on inclusion in the register dated February 14, 2025.

9. Putin V. V. Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. April 25, 2005. President of Russia: official website. (In Russ.). Available from: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (date of access: January 28, 2026).

10. Fedotova E. What the Soros Foundation has done for Russia. *Kommersant = Businessman*. November 30, 2015. (In Russ.). Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2866188> Date of publication: November 30, 2015.

11. Kokotyukha A. (2007) Zheglov starts, and Gotsman loses. *Telekritika*. Web archive. (In Ukr.). Available from: <https://web.archive.org/web/20141211093927/http://www.telekritika.ua/media-continent/2007-11-12/34853> (date of access: 28.01.2026).

12. Fedorov A. V. A brief history of computer games in Russia. *Mediaobrazovanie = Media Education*. 2013;(4):137–148. (In Russ.).

13. Russkaya Vesna. Online media. (In Russ.). Available from: <https://rusvesna.su/> (date of access: 28.01.2026). indicate a specific page.

14. Assman A. The long shadow of the past: memorial culture and historical policy. *Moscow: New Literary Review*; 2014. 328 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Р. В. Бугров — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права;

И. З. Герштейн — кандидат политических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права.

Information about the authors

R. V. Bugrov — Candidate of Science (Political), Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Diplomacy and International Law;

I. Z. Gershtein — Candidate of Science (Political), Associate Professor of the Department of World Diplomacy and International Law.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 18.02.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 18.02.2026; accepted for publication 22.06.2026.